

Субстантивированное причастие создает линию корреляции с действием, имевшим место ранее и имплицитно соотносимым с глагольным сказуемым *wurde getroffen*, но уже через значительный текстовый интервал.

Все вышеизложенное подводит к некоторым обобщениям: во-первых, субстантивированные причастия, обладая свойством валентности, допускают ее реализацию не только контактно, но и дистантно-контекстуально; во-вторых, дистантная реализация валентности оказывается уже явлением текста, поскольку она «программируется» самим текстообразованием, причем актанты могут выступать на малом или на значительном расстоянии от носителя валентности (через несколько строк или даже несколько страниц текста).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Kelling, G. Jahreswechsel* / G. Kelling. – Frankfurt a. Main : Suhrkamp Verl., 2004. – 167 S.
2. *Jungk, P. S. Die Unruhe der Stella Federspiel* / P. S. Jungk. – 2. Aufl. – München : Paul List Verl., 1996. – 242 S.
3. *Черкас, М. А. Функционально-семантический статус отглагольных имён деятеля в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04* / М. А. Черкасс. – Минск, 1985. – 215 л.
4. *Der Spiegel*. – 2005. – 11.07. – № 28.

Т. К. Кохнович (г. Минск, Беларусь)

МОЛЧАНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ КОММУНИКАЦИИ

Молчание выступает предметом изучения самых разных наук: теологии, культурологии, философии, литературоведения, лингвистики. Исследования, посвященные различным аспектам молчания, стали появляться в лингвистике в начале 90-х г. XX в. в связи с развитием коммуникативного подхода к языку, в частности, к невербальным средствам коммуникации.

При исследовании молчания следует различать смежные с молчанием понятия: тишина, пауза, хезитация, неговoreние, умолчание. Состояние молчания, возникающее в процессе общения следует отличать также от молчания, сигнализирующего об окончании речевого контекста. С точки зрения семиотики в лингвистике отмечаются случаи ритуального молчания, случаи стереотипного молчания: обиженно молчать, смущенно молчать.

Анализ научной литературы позволяет отметить три подхода в изучении молчания: философский, религиозный и лингвистический. Наиболее полно молчание получает свой смысл в рамках речевой коммуникации. С. В. Крестинский отмечал, что молчание является формой внутренней речи: отказываясь от звуковой речи, человек не перестает мыслить. Этот отказ может быть намеренным или ненамеренным, может быть вызван различными факторами психологического и социального характера, условиями и нормами соответствующего окружения [1, с. 74–79]. Таким образом, молчание является знаком стоящего за ним содержания, которое слито с молчанием.

В большинстве лингвистических работ молчание рассматривается как особый тип речевого акта (Арутюнова Н. Д., Крестинский С. В., Меликян С. В., Богданов В. В.). Н. Д. Арутюнова отмечает, что «подобно тому, как в словообразовании существует понятие нулевого суффикса или нулевого окончания, можно говорить о нулевом речевом акте, которым является молчание» [2, с. 106–107]. Специфика молчания как речевого акта заключается в отсутствии локутивного аспекта, что дает основание лингвистам говорить о несущественности с точки зрения семантической структуры эксплицитного выражения типа «я сообщаю». С помощью молчания человек сообщает собеседнику некоторое намерение, воздействуя таким образом на адресата, на его вербальное и невербальное поведение. Это и определяет иллокутивную силу и перлокутивное действие данного речевого акта. Сначала молчание воспринимается органами слуха, а затем воздействует на мозг, и собеседник задумывается о значении этого молчания. С точки зрения выражаемых интенций, может быть большое количество речевых актов, обусловленных молчанием. Представляется, что акт молчания и речевой акт как таковой обладают сходной коммуникативной структурой, но контекстуальная зависимость молчания не позволяет считать их полностью равноценными.

Изучение молчания в речевом общении обуславливает разграничение коммуникативного значимого и коммуникативно незначимого молчания (Богданов В. В., Крестинский С. В., Почепцов Г. Г., Груздева Е. В.). Для лингвистов интерес представляет *коммуникативно значимое молчание*, то есть молчание, получающее функциональную нагрузку в рамках ситуативного контекста. Такое молчание носит целенаправленный характер и передает информацию, которая успешно воспринимается и расшифровывается адресатом. Таким образом, обязательными условиями значимости молчания могут являться: намеренное использование молчания со стороны отправителя, осведомленность получателя о намеренном характере молчания и обладание собеседниками общим знанием относительно значения молчания. Коммуникативно значимое молчание может представлять собой «молчание слушания» и «молчание вместо говорения», при котором собеседник, который должен говорить, молчит (В. В. Богданов). Именно коммуникативное молчание имеет адресата, мотив, а иногда и цель. Оно может соотноситься с определенным содержанием и может быть включено в систему стимулов и реакций. Следует отметить, однако, что молчание может не восприниматься одним из собеседников по причине отсутствия взаимного смысла молчания. В связи с этим один из собеседников не сможет правильного истолковать молчание другого.

Особенностью некоммуникативно значимого *молчания* является то, что оно не имеет функциональной нагрузки и исключает ситуацию общения. Причиной этого могут быть душевные переживания, болезненные состояния и т. д.

Неоднозначное толкование в лингвистике имеет вопрос об отнесении молчания к невербальным средствам коммуникации (Крестинский С. В., Курзон Д., Копылова Т. В., Шабанова Я. В.). В работах указанных лингвистов

отмечается, что молчание может быть включено в структуру речевого общения как один из невербальных компонентов, который способен выполнять коммуникативную функцию. Имеются также утверждения, что молчание нельзя отнести к внешним факторам, так как молчание не обладает автономностью от языка, его значимость проявляется только в контексте, то есть оно наиболее контекстуально зависимо. Представляются справедливыми утверждения о необходимости различения невербальной коммуникации в широком смысле слова от невербальной, сопровождающей речь. Термин *невербальная коммуникация* может быть взаимозаменяем с *вербальной* в зависимости от того, сопровождают ли жесты или мимические выражения речь или нет. Невербальная коммуникация обладает способностью сопровождать вербальную коммуникацию, то есть протекать одновременно с ней. Это дает основание полагать, что молчание и речь находятся в оппозиции друг к другу не как вербальный компонент к невербальному, а лишь с точки зрения использования речевого аппарата.

Таким образом, молчание занимает промежуточное положение между вербальными и невербальными средствами. С одной стороны, молчание невербально, оно является таковым по определению, поскольку допускает воздействие на адресата при помощи несловесных средств. В рамках коммуникации, однако, молчание обладает большей выразительной силой, чем, например, жест или мимика. Равноценным вербальному молчание становится в силу выполнения своих функций в тексте.

В лингвистической литературе нет также однозначного мнения относительно выражения функций молчания (Богданов В. В., Йоко И., Чепанова Е. И., Копылова Т. В. и др.). Имеющиеся данные очень разноплановые, они с трудом могут быть обобщены. Это объясняется, на наш взгляд, сложностью и многоаспектностью данного явления, а также разнообразием ситуаций, компонентом которых является молчание. Так, даже при однозначном ответе, который может обозначаться речевым актом молчания, оно эксплицитно выражает либо эмоциональное состояние молчащего, либо его отношение к словам/действиям собеседника.

Разнообразие классификаций молчания обусловило их разделение с точки зрения функций, сфер употребления, а также с точки зрения коммуникативных ситуаций и причин молчания. Хотя общая систематизация функций до настоящего времени разработана не в полной мере, наиболее частыми функциями в работах лингвистов отмечается коммуникативная, экспрессивная, информативная и прагматическая.

Анализ научной литературы показывает, что при рассмотрении функций молчания, авторы совмещают цели и причины молчания, которые не всегда одинаковы. При этом имеет место смешение эмоционального состояния собеседника и его коммуникативной цели. Н. Д. Арутюнова характеризует функции молчания, исходя из его причин и отмечает при этом, что в отличие от говорения, ассоциируемого с целями (иллокутивными силами), о молчании не судят в терминах целей. Молчание имеет причину, которая равнозначна мотиву [2, с. 106].

Все вышеизложенное позволяет отметить, что молчание может функционировать как акт коммуникации, если носит целенаправленный характер, обладает интенциональностью и передает определенную информацию, которая успешно воспринимается и расшифровывается адресатом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крестинский, С. В. Молчание в системе невербальных средств коммуникации / С. В. Крестинский // Тверской лингвистический меридиан. Теоретический сборник. – Вып. 1. – Тверь : Тверской государственный институт, 1998. – С. 74–79.
2. Арутюнова, Н. Д. Молчание : контексты употребления / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – М. : Наука, 1994. – С. 106–117.

Н. В. Курбаленко (г. Минск, Беларусь)

АССИСТИВНАЯ КАУЗАЦИЯ И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Ассистивная каузация представляет особый научный интерес, т. к. практически не изучена в языках, не имеющих морфологического способа передачи данной разновидности каузативных отношений. В немецком языке рассматриваемое значение реализуется в синтаксических каузативных конструкциях (КК), организуемых целым рядом глаголов со значениями ‘помогать’, ‘содействовать’, ‘способствовать’ и пр., т. е. выражающими категориальное значение ассистивности: *begünstigen, beitragen, fördern, helfen, verhelfen, vermitteln, unterstützen* и др.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении особенностей употребления ассистивных каузативных конструкций в художественном и научном стилях немецкого языка. Как показывает проведенное исследование, в художественном стиле используются преимущественно КК с глаголом *helfen* или его производными (*nachhelfen, sich behelfen* и т. д.), в то время как в научном стиле наряду с глаголом *helfen* и его производными активно употребляются и другие глаголы анализируемой группы, отличающиеся друг от друга своими морфолого-синтаксическими и лексико-семантическими свойствами.

Так, самый употребительный в исследуемой группе глагол *helfen* организует четырехкомпонентную КК, состоящую из субъекта, объекта в дательном падеже и результата каузации, выраженного инфинитивом или предложно-именной группой: 1) *Ich half ihr, die Zeitungspakete von draußen hereinzuholen und auszupacken* [1]; *Diese Arbeit half den Menschen die richtige Balance zwischen Egoismus und Großzügigkeit finden* [2]; 2) *Sie darf ihm sogar das Frühstück*